

М. Б. СВЕРДЛОВ

Феодализм на Руси X—XIII вв.

Известный бельгийский историк Ф. Л. Гансхоф опубликовал в 1944 г. книгу «Что такое феодализм?». Эта книга привлекла внимание специалистов, и уже в 1957 г. вышло ее третье издание.¹ Ф. Л. Гансхоф предложил в ней свое понимание феодального строя, впрочем, в круге идей своего времени. Основное достоинство этого труда заключалось в том, что он обращал особое внимание историков на необходимость глубокого и обоснованного анализа понятия «феодализм», раскрывающего природу средневекового общества. Это условие, необходимое для исследователей всех направлений, было актуально при изучении средневековой Руси и для советской исторической науки. Она была скована догматизмом и деформирована сталинскими «указаниями». Но и тогда продолжали работать ученые, которые делали замечательные открытия, хотя и в ограниченном общественно-политическими условиями исследовательском пространстве.

В 30—50-е гг. сложилась напряженная, хотя, видимо, до конца не осознанная ситуация в определении социального строя Руси X—XIII вв. Исследователи характеризовали его как феодальный (некоторые историки относили X столетие к периоду, по сталинской терминологии, «дофеодальному»). Но видели они в феодализме в соответствии с позитивистской и марксистской традицией, поддержанной сталинскими «указаниями», преимущественно социально-экономическое содержание в виде крупного землевладения и крепостничества. Между тем в отечественной литературе появились исследования, в которых феодальное содержание общественного строя Руси раскрывалось во всем многообразии личностных отношений, в быте и нравах, в мышлении, в особом восприятии и художественном воспроизведении мира. Исследуя связи духовной жизни общества, литературного и, шире, художественного творчества с их материальными основами, Д. С. Лихачев рассмотрел фундаментальные проблемы воздействия социального строя на культуру: развитие феодальной культуры на Руси как следствие формирования феодализма в результате разложения родоплеменного строя, внутренние потребности общества и страны в принятии христианства, «трансплантация» обширных пластов культуры других народов и, шире, взаимодействия с другими культурами, формирование «стиля эпохи», собственного феодальному строю на разных стадиях его развития, существование в XI—XIII вв. «стиля монументального историзма», идейные основы которого отражали отношения вассалитета—сюзеренитета, феодальные нормы поведе-

¹ Ganshof F. L. Qu'est-ce que la féodalité? 3e éd. Bruxelles, 1957.

ния и морали, этикет, символизм и другие нормы жизни общества.² Такой подход создавал новые возможности цивилизационного изучения истории общества.

Отсюда следует особая важность давнего и сложнейшего вопроса: что такое феодализм, и каким он был в древнерусский период? Ответ на этот вопрос дает опыт мировой, по преимуществу европейской, и в частности отечественной исторической литературы.

Анализ институтов феодального строя — «феода», «верности», «оммажа», «держания» и других — был начат в странах Западной Европы в XVI—XVII вв.³ Особое научное и общественно-политическое значение приобрел он в середине—второй половине XVIII в. в период кризиса феодального строя прежде всего во Франции.⁴ В книге «О духе законов», изданной в 1748 г., Ш. Монтескье установил, что основу средневекового общественного строя стран Западной Европы составляли феодалы, основанные на них отношения собственности и социальных связей. Он отметил начало феодалов (по-французски — фьефов) и бенефициев в королевских пожалованиях почетных имуществ в виде коней, оружия, денег, а позднее земли, за которыми следовали сословные привилегии. Фьефы за службу становились со временем наследственными аллодами — полными владениями, обеспеченными королем податным и судебным иммунитетом. Государственные должности превращались в наследственные и соединялись с землевладением. Формировалась система сюзеренитета—вассалитета с феодальными обязанностями и правом.⁵

Значение этих открытий стало ясно уже самому Монтескье: они раскрыли происхождение и развитие того общественного строя, который существовал в современной ему Франции. Поэтому Монтескье, барон и президент парламента в Бордо, осознанно ограничил анализ феодального строя средневековым периодом. Однако радикально настроенные сотрудники «Энциклопедии» Дидро и д'Аламбера продолжили эти наблюдения. Они показали развитие феодальной системы от первоначальных королевских пожалований в виде боевых коней, оружия, пиров дружинникам-вассалам к земельным феодалам, сохранившимся до XVIII в. неземельным денежным и натуральным феодалам за королевскую службу. Была отмечена также иерархия видов земельной собственности — верховная собственность (*dominium directum*) общества и королевства и частное держание в виде фьефов.⁶ Последовательным стало выделение «Энциклопедией» существования особого строя социально-политических и правовых отношений, материальную основу которых составляли феодалы в разных их видах — «феодализм» — *féodalité*, букв. «феодальность».

Учение о феодализме привлекло самое пристальное внимание просветителей в разных странах. Различаясь подчас в объяснении этого общественного строя, они показывали разные его проявления. Вольтер писал о ши-

² Романов Б. А. Люди и нравы Древней Руси (историко-бытовые очерки XI—XIII вв.) Л., 1947; Лихачев Д. С. 1) Русские летописи и их культурно-историческое значение М., Л., 1947; 2) Возникновение русской литературы М., Л., 1952; 3) Человек в литературе Древней Руси М., Л., 1958; 4) Поэтика древнерусской литературы Л., 1967; 5) Развитие русской литературы Эпохи и стили Л., 1973, см. многочисленные другие издания этих монографий и последующие исследования.

³ Kelly D. R. Origine Feodorum The Beginnings of an Historical Problem // *Speculum* 1964 Vol. 39, N 2 P. 207—228; Boutruche R. Seigneurie et feodalite Le premier âge des liens d'homme a homme Paris, 1968 Vol. 1 P. 12—14.

⁴ Здесь и далее учтено основное содержание историографического процесса, которое рассмотрено в еще не изданной монографии.

⁵ Монтескье Ш. Избр. произведения М., 1955 С. 656—661.

⁶ Encyclopedie Paris 1756 T. 6 P. 696—717; История в Энциклопедии Дидро и д'Аламбера / Пер. и примеч. Н. В. Ревуненковой Л., 1978 С. 124—129.

роком распространении в Европе «феодалного правления», а как его следствие (вместе с «Энциклопедией») — ослабление центральной королевской власти и всеобщность сеньориально-вассальных отношений.⁷ Мабли показал, что в процессе разложения племенного строя значение народных собраний и демократии ограничивалось советом старейшин и властью князя. Возникновение бенедиктинец-фьефов он связывал с военной службой и имущественным расслоением, а начало зависимости людей — с возникновением земледельческой знати.⁸ Адам Смит отметил свойственное для средневековья объединение крупной земельной собственности с верховной судебной и военной властью, что стало составной частью феодального права,⁹ тогда как И. Г. Гердер показал целостность структуры феодального строя в ленных отношениях, рыцарстве, церкви, архитектуре и искусстве.¹⁰

Эти гениальные открытия имели большое научное значение. Они раскрывали процесс формирования феодализма в результате разложения племенного строя, выявляли его сущность в феоде (фьеф, лен) в виде денег, должностей, земли как материального обеспечения за службу сюзерену. Вместе с тем эти научные идеи имели прямые связи с общественно-политической жизнью в феодальных западноевропейских странах середины—второй половины XVIII в., особенно во Франции, поскольку они указывали на истоки и традиции феодальных институтов. Показательна в данной связи судьба брошюры П.-Ф. Бонсерфа «Неудобства феодальных прав». Она была осуждена на сожжение, а ее автор привлечен к суду, хотя в ней предлагалась только умеренная программа выкупа баналитетов и феодальных сервитутов, но происхождение и история феодальной земельной собственности и феодальных прав излагались по Монтескье и Вольтеру.¹¹

Внешняя и внутренняя политика Петра Великого, историко-философская концепция «просвещенного абсолютизма» Екатерины II, просветительская мысль о единстве исторического прогресса составили материальные и теоретические основы идей европейской принадлежности России, закономерности в ней общеевропейских процессов, а как следствие этого — существование на Руси феодального строя. В соответствии с этими принципами о «феодалном правлении» в русской истории писали И. Н. Болтин, И. П. Елагин, М. Н. Муравьев, иностранные авторы — Ф. М. Вольтер, П.-Ш. Левек, Н. Г. Леклерк, А. Л. Шлецер. Его содержание раскрывалось не только в политической раздробленности государства,¹² но также во фьефах-кормлениях, в удельных княжествах — апанажах (от понятий «хлеб», «кормление» — часть владений суверена, выделенная сыновьям или братьям в наследственное владение, но возвращающаяся суверену при отсутствии у них сыновей), в раздачах областей и городов княжам мужам-ленникам.¹³ И. Н. Болтин устанавливал тождество русских поместий и западных феодалов-фьефов, превращение поместий в вотчины, «должностей» — в наследственные титулы. «Полное феодальное право» «древних удельных князей», «феодалное правление» он рассматривал вслед за Монтескье и Вольтером

⁷ Voltaire *Essai sur les moeurs et l'esprit des nations // Oeuvres completes de Voltaire* S 1 1785 T 16 P 413—414, 417

⁸ Mably de, l'abbé *Observations sur l'histoire de France* Kehl, 1788 T 1 P 202—251

⁹ Smith A *An inquiry into the nature and causes of the wealth of nations* London, New York, 1911 P 364—366

¹⁰ Herder J G *Ideen zur Philosophie der Geschichte der Menschheit* Riga Leipzig, 1792 T 4 S 175—180, 213, 230—233 289—292

¹¹ Boncerf P-F *Les Inconvemens des droits feodaux* Londres, 1776

¹² Voltaire *Essai sur les moeurs* P 479

¹³ Levesque *Histoire de Russie* Paris 1782 T 1 P 90, 163, 199, Le Clerc *Histoire physique, morale, civile et politique de la Russie ancienne* Paris, Versailles, 1783 T 1 P 99, 320 376—377 Schlozer A L *Hecrop Russische Annalen in ihrer Slavonischen Grundsprache* Gottingen 1802 T 2 S 207—210

как вассальные отношения, господскую юрисдикцию и феодальную анархию.¹⁴ Обобщая опыт, накопленный французскими просветителями, И. Г. Гердером и А. Л. Шлецером, И. Н. Болтиньим и М. Н. Муравьевым, Н. М. Карамзин связал появление «системы феодальной, поместной или удельной» с установлением «верховой княжеской власти» при Рюрике. «Систему уделов», понимаемую как «систему феодальную», он распространил до XV в.¹⁵

Идеи о феодальном строе радикально настроенной французской историографии конца 10-х—20-х гг. XIX в., прежде всего Ф. Гизо и О. Тьерри, были поддержаны в русской общественно-политической и научной мысли. Идеолога декабризма П. И. Пестеля привлекала в них концепция борьбы классов. Отмечал он также близость «феодальной системы» в западноевропейской и русской истории.¹⁶ Разночинца и либерального историка Н. А. Полевого привлекала история «народа», идея единства исторического прогресса России и «системы европейских государств». Следствием этой идеи стала теория «феодализма» на Руси, его развитие в «семейный феодализм».¹⁷

Изучение феодального строя на Руси стало в русской исторической науке формой анализа общественных отношений, сущности явлений вместо их описания в названиях древнерусских общественных категорий. Оно стало средством утверждения единства исторического развития России в общеевропейском контексте. Однако в 30—40-е гг. оно было прекращено до середины 90-х гг. XIX столетия. Причин тому было много.

Внутренняя и внешняя политика императора Николая I в связи с революциями 1830 г. во Франции и Бельгии, широким революционным движением в странах Западной и Центральной Европы в 1848—1949 гг. способствовала появлению правительственной идеологической концепции, согласно которой страны Западной Европы, потрясаемой революциями, противопоставлялись России, основы общественной жизни которой составляли «православие, самодержавие, народность», как разъяснял граф С. С. Уваров, «народное начало в видах правительства».¹⁸ Консервативные историки и общественные деятели, М. П. Погодин, С. П. Шевырев, Ф. В. Булгарин и другие, упреждая подчас формулирование правительственной концепции, развили ее идеи в историческом аспекте, оставляя феодализм, классы и классовую борьбу, конституции, революции Западу и отрицая их в русской истории и действительности.¹⁹ Как следствие такой идеологической политики широко распространились в 30-е—первой половине 50-х гг. официальные и добровольные гонения на идею феодализма на Руси (в частности, в подцензурной печати²⁰), которая являлась одним из обоснований единства исторического процесса в России и странах Западной Европы.

¹⁴ Болтин И. Примечания на историю древняя и нынешняя России г. Леклерка СПб, 1788 Т 1 С 318, Т 2 С 298—300

¹⁵ Карамзин Н М История государства Российского СПб, 1818 Т 1 С 116

¹⁶ Восстание декабристов М, 1958 Т 7 С 295—296

¹⁷ Полевой Н История русского народа М, 1829 Т 1 С XXVII, XLII—XLIII, 38

61—65 285

¹⁸ Барсуков Н Жизнь и труды М П Погодина СПб, 1895 Кн 9 С 236

¹⁹ См Погодин М Исследования, замечания и лекции о русской истории М, 1848 Т 3 С 493—497

²⁰ Редактор журнала «Отечественные записки» А А Краевский, официально предупрежденный в разгар революционных событий во Франции о необходимости изменения направления журнала под угрозой его закрытия, опубликовал статью без подписи «Россия и Западная Европа в настоящую минуту», где было написано, что «феодализм был одной из причин, которые в развитии своем вели к борьбе государственных стихий», а позднее к революции, тогда как в истории России феодализма не было и следствия этого совершенно противоположные (Отечественные записки 1848 Т 59, № 7 Отд III С 3)

Такое идеологическое и административное давление имело следствием исключение учения о феодализме в русской истории из теоретических обобщений западников (мнение К. Д. Кавелина, а позднее А. Лакиера о феодализме в Древней Руси в период николаевской реакции продолжения не нашло). Славянофилы, П. Я. Чаадаев, социалист А. И. Герцен с противоположных позиций, но в равной мере утверждали особые пути исторического развития России и стран Западной Европы. «Скептическая школа» во главе с М. Т. Каченовским, архаизировавшая культуру Руси, отрицала существование феодального строя в русской истории. Для такого отрицания помимо общественно-политической ситуации в России были и теоретические основания: поиски в 20—40-е гг. философской школой Шеллинга особенностей «народного духа» и все более распространяющееся в России с 40-х гг. воздействие позитивизма с его отказом «от исследования происхождения и назначения существующего мира и от знания внутренних причин явлений», со стремлением, «правильно комбинируя рассуждение и наблюдение, к познанию действительных законов явлений» при понимании под этими законами «неизменных отношений последовательности и подобия».²¹ Такие общественно-политические и идейные основания для отрицания в русской науке 30—40-х гг. феодализма на Руси были дополнены сравнением древнерусской исторической действительности с ограниченным по содержанию художественно-образным представлением о феодализме (рыцари, бароны, замки) как сопоставлением неких моделей, но не выявлением содержания феодального строя.

Во второй половине 50-х—первой половине 90-х гг. XIX в. поздние славянофилы, панслависты, почвенники, народники, руководствуясь разными принципами, но в равной мере, сохранили противопоставление исторического развития России и стран Западной Европы. Идеи местного самоуправления в виде общин, земства, межсословных городских собраний и суда во время подготовки и проведения либеральных реформ 60-х гг. стали широко использоваться при объяснении древнерусского общественного строя. Отсюда в обширнейшей литературе 60-х гг. XIX—начала XX в. княжеская власть на Руси соотносилась с общинно-вечевым или земско-вечевым строем городских волостей со свободным населением, полусвободными (полурабами) зависимыми и рабами, при аналогиях древнерусских городов и античных городов-государств. В понимаемой таким образом русской древности многочисленные либеральные и революционные направления указывали истоки и историческое обоснование своих социально-политических программ. Эти идеи сохраняли противопоставление средневековой Руси феодальному Западу, в чем они совпадали с идеологической политикой царской власти. Еще в разгар революционных событий 1905 г. на заседании Совета министров Николай II утверждал: «У нас не было феодализма, всегда было единение и доверие».²² Тем самым снимались противоречия между властью и народом, историческое развитие России противопоставлялось западноевропейскому. Отсюда понятны причины заданности отрицания феодального строя на Руси в отечественной науке. Как писал Н. П. Павлов-Сильванский, «отрицание какого бы то ни было сходства между русской древностью и западной стало у нас господствующей предвзятой мыслью, как бы признаком учености хорошего гона»,²³ а Н. И. Кареев дополнял это наблюдение: «У нас не было феодализма такова была господствующая точка зрения наши историографии. Среди историков было как бы неприлично

²¹ Конт О Курс положительной философии СПб, 1899 Т 1 С 4

²² Заседания Совета Министров 3 и 11 февраля 1905 г в записях Э Ю Нольде / Подгот Р III Ганелин // АЕ за 1989 г М, 1990 С 297

²³ Сильванский Н П Феодализм в древней Руси СПб 1907 С 19

находить феодализм в России».²⁴ Лишь Н. И. Костомаров, Н. Г. Чернышевский, С. М. Соловьев, Н. И. Хлебников, М. Д. Затыркевич по аналогии или в отдельных институтах отмечали на Руси феодализм, да с развитием русской исторической науки объективно накапливались наблюдения, свидетельствовавшие о феодальном строе в древнерусский период.

Прорыв из такого тушканового состояния в изучении феодального строя средневековой Руси совершил в середине 90-х—начале 900-х гг. Н. П. Павлов-Сильванский. Используя опыт, накопленный крупнейшими западноевропейскими и отечественными медиевистами, Ф. Гизо, Г. Л. Маурером, Фюстелем де Куланжем, К. Лампрехтом, П. Г. Виноградовым, М. М. Ковалевским, Д. М. Петрушевским, Н. И. Кареевым в изучении социально-экономической истории западноевропейского средневековья, а также массовый источниковый материал, прежде всего акты, он показал существование в русской истории XIII—XVI вв. феодализма, под которым он понимал: 1) «раздробление верховной власти или тесное слияние верховной власти с землевладением», 2) иерархическую организацию вассалитета—сюзеренитета, объединяющую раздробленную на домены-сеньории территорию, 3) условное землевладение — феодалы-поместья, с которыми сосуществовала крупная феодальная аллодиальная собственность — вотчины.²⁵ Такое утверждение единства исторического развития Руси и стран Западной Европы идейно опиралось на быстрое индустриальное развитие России того времени, на открытую экономическую политику правительства, в результате чего страна оказалась в числе передовых мировых держав, а это свидетельствовало о единстве исторического пути России и Запада.

Несмотря на решительные возражения сторонников прежних теорий, среди которых были крупнейшие специалисты по русской истории, В. О. Ключевский, В. И. Сергеевич, М. Ф. Владимирский-Буданов, идеи Н. П. Павлова-Сильванского, хотя и ограниченно по содержанию, распространились в российской исторической науке либерального направления. Впрочем, позитивистский подход не позволил Павлову-Сильванскому использовать весь опыт, накопленный в изучении феодального строя. Увлеченный исследованием экономических процессов, он не оценил важнейшего значения в формировании феодального строя хорошо известных ему феодальных отношений и феодалов-денег, которые он решительно противопоставил «настоящему феодалу-земле». Более того, вслед за М. М. Ковалевским, К. Лампрехтом, А. Люшером, Н. И. Кареевым он считал экономической основой феодализма крупное землевладение. Поэтому, по его мнению, «где нет крупного землевладения, там не может быть и феодализма».²⁶ Такое понимание феодального строя как статичной модели стало причиной характеристики Павловым-Сильванским общественного строя Руси до XIII в. как «дофеодальной эпохи»²⁷ и традиционно для русской исторической литературы того времени как общинно-вечевого.

Экономическое содержание теории Павлова-Сильванского было поддержано русскими марксистами, М. Н. Покровским, Н. А. Рожковым и др. Хотя сам К. Маркс, используя опыт просветителей XVIII в. в изучении феодализма, отмечал на Руси второй половины IX—X вв. «вассалитет без фьефов или фьефы, состоящие только из даней», а Русь IX—XI вв. он характеризовал, привлекая опыт русских ученых, как «империю Рюриковичей»,²⁸ русские исто-

²⁴ Кареев Н. В каком смысле можно говорить о существовании феодализма в России? По поводу теории Павлова-Сильванского СПб, 1910 С 6

²⁵ Сильванский Н. П. Феодализм в древней Руси С 68—70

²⁶ Там же С 44—45, 71—72

²⁷ Там же С 104

²⁸ Marx K. Secret diplomatic history of the eighteenth century London, 1899 P 76, 77

рики-марксисты, стремясь к «материалистическому» объяснению исторических процессов, значительно ограничивали содержание феодального строя крупным землевладением, крепостничеством, феодальной иерархией. М. Н. Покровский, ученик В. О. Ключевского, в соответствии с теорией своего учителя допускал большое значение рабства и рабовладения в домонгольской Руси.

В советский период широко распространилось именно такое ограниченное понимание феодального строя. Поэтому, когда в 1933 г. Б. Д. Греков поставил вопрос об изучении общественного строя Киевской Руси как процесса развития феодализма в результате разложения племенного строя, он был уже целенаправлен на такое понимание феодализма.²⁹ Но его исследования показывали конкретно-историческое содержание многообразных форм феодальных экономических отношений, формирования государства, которые пришли на смену племенам и племенным связям. Поэтому Б. Д. Греков оказался во главе значительного научного направления, раскрывающего в самых различных областях жизни древнерусского общества воздействие феодальных социальных отношений. Однако в условиях режима личной власти на развитие исследовательского процесса деформирующе воздействовали с 1933 по 1952 г. теоретические «указания» Сталина, которые инициировали идеи обязательного рабовладельческого строя или развитого рабовладения, предшествовавших феодализму, крайне ограниченные представления о феодализме как о крупном землевладении, соединенном с крепостничеством, противопоставление феодального периода «дофеодальному», что являлось следствием мнения о феодализме как о статичной по содержанию модели. Хотя С. В. Юшков и отметил тождество кормления и фьефа-должности, но это наблюдение не развилось в его работах в использование большого западноевропейского опыта по анализу неземельных феонов, а теория о неразрывно связанной с ними феодальной ренте была трансформирована в мнение о превращении в ренту дани.³⁰ При этом в условиях авторитарного строя и догматизма сталинское понимание феодализма вынуждало к искусственному удревлению крупного землевладения и крепостничества, если исследователь признавал феодальный строй в Киевской Руси (некоторые исследователи противопоставляли такой тенденции другой сталинский тезис о «дофеодальном» периоде), но в то же время оно содержало возможности элементарно простого его «опровержения» в случае их отрицания.

Впрочем, официальное признание получило и мнение П. И. Лященко об общинно-вечевом строе Руси до XII в. («вече городских и сельских общин как орган верховной власти народа в решении государственных дел»), эклектично соединенное с идеями «дофеодального» периода, развитого рабовладения и развивающихся феодальных отношений.³¹ Это мнение было изложено в учебном пособии для высших учебных заведений, награжденном Сталинской премией, подобно работам, в которых разрабатывались идеи феодального и рабовладельческого строя в Киевской Руси. Такой «плюрализм» свидетельствовал, что при сталинском режиме любому из исследовательских направлений могло быть отдано предпочтение в качестве официального. В то же время материалистическое изучение истории переродилось

²⁹ Греков Б. Д. Начальный период в истории русского феодализма // Вест. АН СССР 1933 № 7

³⁰ Юшков С. В. 1) Очерки по истории феодализма в Киевской Руси М., Л., 1939 С. 154—156, 2) Общественно-политический строй и право Киевского государства М., 1949 С. 285—287

³¹ Лященко П. И. История народного хозяйства СССР 2-е изд. М., 1950 Т. 1 Докапиталистические формации С. 104—106, 131—157

в экономический детерминизм, вследствие чего изучение социально-политических процессов, истории духовной культуры были вытеснены на периферию исследований, а многие из таких научных работ прекращены, хотя одновременно накапливался огромный конкретно-исторический материал для их анализа в археологии, истории литературы, искусства, архитектуры.

Такая двойственность в изучении древнерусского общественного строя сохранилась в отечественной литературе середины 50-х—середины 90-х гг. В многочисленных исследованиях изучались источники, совершенствовалось их издание, делались на их основе новые конкретно-исторические наблюдения. Но в обобщающих характеристиках общественного строя Руси при всем многообразии исследования сохраняли прежнее свое содержание 20—50-х гг. или их внутреннюю, иногда трансформированную и зеркально отраженную логику при внешнем их отрицании. Феодализму, понимаемому как крупное землевладение, соединенное с крепостничеством, противопоставлялись мнения о широком распространении рабовладения, о развитии феодализма в результате разложения рабства, о тождестве налога и ренты, воспринимаемых как экономическая реализация верховной собственности государства на землю, и, напротив, как «дофеодальный» период, «общинность без первобытности» или мнения еще более ранние: общинно- и земско-вечевой строй, города-государства на Руси XI—начала XIII в. с «чертами сходства» с античным полисом.

Как свидетельствует историографический анализ, в отечественной науке нет, в отличие от западной литературы, традиции постоянного изучения феодального общественного строя. Эта концепция, раскрывающая единство содержания исторического развития Руси и других европейских стран в общих закономерностях и особых чертах исторического процесса, прямо или опосредованно была связана с общественной и идейной жизнью России в XVIII—XX вв. Поэтому она воспринималась ограниченно в случае использования ранее выполненных исследований, разрабатывалась целенаправленно под воздействием идеологических факторов или подвергалась гонениям официальным и добровольным.

Между тем прогресс в изучении феодального строя на Руси, включая древнерусский период, несомненен. Все исследовательские направления внесли определенный вклад в разработку данной концепции, включая отдельные наблюдения и отрицательный опыт, вопреки стремлению к абсолютизации сделанных частичных наблюдений и к исключительности мнений.

Если объединить наблюдения над феодальным строем на Руси X—XIII вв., то он раскрывается как целостная система социально-политических и социально-экономических отношений, основу которых составляет феод — материальное и денежное обеспечение за службу сюзерену в системе государства, а также натуральных, отработочных или денежных доходов, получаемых от разных категорий феодально зависимого населения в господском хозяйстве. Феоды развиваются от почетных даров и пиров к феодам-деньгам и феодам-должностям — корму, кормлению в натуральной и денежной форме за исполнение на княжеской службе военных, административных и судебных функций с обеспечением через казну или в виде непосредственных отчислений от населения части или всех податей и пошлин, а позднее к феоду-земле в виде вотчины — наследственного владения с предоставлением полного или частичного податного и судебного иммунитета.³² Феоды, получаемые на княжеской службе, и долоды

³² В 50—60-е гг. данное направление в отечественной исторической литературе возобновил с частичным привлечением древнерусских материалов А. Я. Гуревич (обобщающее исследование см. Гуревич А. Я. Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе М. 1970), но тогда вследствие многочисленных причин оно было поддержано лишь немногими специалистами по западноевропейской средневековой истории.

в господском хозяйстве являются рентой — доходом, не требующим предпринимательской деятельности, но основанным на внеэкономическом принуждении. Налог при феодализме обладает двойственной структурой. Одна его часть обеспечивала общегосударственные потребности (содержание войска, строительство городов, укреплений и т. д.), другая — становится феодем-рентой для содержания иерархически организованной служилой части правящего класса. При этом различия в социальной иерархии соответствуют различию сословных прав — определенного социально-правового статуса в соответствии с общественным положением и местом в системе отношений собственности.

Учитывая накопленный исследовательский опыт, можно считать, что в восточнославянских землях VII—IX вв. шел распад племенного строя, а на Руси X—XIII вв. — процесс формирования и развития феодализма, что определило содержание ее политической истории, культуры.